
Программа «Дальневосточный гектар»: ритуализация машины развития

Т.Н. ЖУРАВСКАЯ*, Н.П. РЫЖОВА**

***Татьяна Николаевна Журавская** – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Приморская лаборатория экономического развития и сотрудничества, Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, wellshy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1147-1169>

****Наталья Петровна Рыжова** – доктор экономических наук, профессор, заведующая Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества, Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, n.p.ryzhova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7911-7364>

Цитирование: Журавская Т.Н., Рыжова Н.П. (2022) Программа «Дальневосточный гектар»: ритуализация машины развития // Мир России. Т. 31. № 4. С. 151–169. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-151-169

Аннотация

В статье анализируется программа «Дальневосточный гектар» как пример ритуализированной бюрократической машины развития. Рассматривается эмпирический вопрос, почему этот противоречивый проект, вызывающий всеобщий скепсис, преподносится официальными властями как модельный и успешный. Авторы обращаются к альтернативной схеме анализа ритуалов, предложенной К. Хамфри и Дж. Лэйдлоу, которые отказываются от поиска смысла ритуального действия в пользу ритуализации как механизма легитимации власти. Теоретически авторы расширяют аргумент Дж. Фергюсона о проектах развития как антиполитических машинах, утверждая, что проекты неизбежно ведут к деполитизации несправедливого распределения ресурсов и вопросов бедности. Показано, что, хотя формальные индикаторы говорят об успешности реализации программы, все же корректно характеризовать ее термином «провал». Несмотря на все усилия, добиться массового переселения на восток и значимых инвестиций в землю не удалось. Спустя два года после начала реализации программы демографическая повестка постепенно ушла в тень, уступив место идее «жить и работать на своей земле». Показано,

Авторы выражают благодарность Фонду поддержки социальных исследований «Хамовники» за финансирование полевого исследования в Амурской области в 2020 году в рамках проекта «Миф потенциала – потенциал мифа»: проекты развития в дальневосточном приграничье» и К.И. Феоктистовой за помощь и участие в организации экспедиции.

Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

Статья поступила в редакцию в октябре 2021 г.

что при этом реальные практики освоения земли отличаются от активно обсуждаемых и продвигаемых операторами. Анализируя образ Дальнего Востока и дальневосточников, а также разрыв формируемого образа программы и реальных практик (не)освоения земли, авторы приходят к выводу, что программа превращается в бюрократический ритуал, легитимирующий присутствие центральной власти на периферии. Эмпирические данные получены в ходе полевых исследований, проводимых авторами с 2016 года в южных регионах Дальнего Востока (интервью, этнография); помимо этого, авторы используют также первичные данные о заявках, открытые источники и официальные документы.

Ключевые слова: проекты развития, ритуализация, постразвитие, освоение земли, «Дальневосточный гектар», российский Дальний Восток

Введение

В 2016 г. в России была запущена программа «Дальневосточный гектар» («ДВ-гектар»), по отношению к которой с самого начала обнаружился явно выраженный всеобщий скепсис. Эта программа должна была дать толчок массовому переселению на восточную окраину страны. В 2015 г. ВЦИОМ провел всероссийский опрос о Дальнем Востоке, где, в числе прочего, был оценен потенциал программы по предоставлению земельных участков на территории макрорегиона в безвозмездное пользование. Вопрос от ВЦИОМа звучал так: «Если бы лично Вам предложили получить бесплатно один гектар земли на Дальнем Востоке при условии, что Вы, Ваша семья должны переехать в один из регионов Дальнего Востока на постоянное место жительства, то как бы Вы отнеслись к этому предложению?» Опрос выявил, что на таких условиях согласились бы получить участок 20% опрошенных, при этом наиболее благосклонно к этой инициативе отнеслись молодые участники в возрасте 18–24 лет¹. В дальнейшем результаты этого опроса стали одним из обоснований целесообразности инициирования соответствующего законопроекта², который поступил на рассмотрение в Думу уже через несколько месяцев. Спустя пять лет провал в решении проблемы демографической безопасности региона за счет реализации этого проекта стал вполне очевиден, поскольку большинством участников оказались сами дальневосточники (если оценивать с точки зрения «закрепления» населения, то и здесь существенных изменений в коэффициентах оттока не произошло). Но, несмотря на это, программа продолжает преподноситься как важный, флагманский и, главное, успешный проект нового «поворота на Восток».

Наш эмпирический интерес связан с попыткой объяснить замеченный парадокс кажущейся бессмысленности упорства в продвижении «ДВ-гектара». Мы предлагаем уйти от привычного вопроса «как заставить проекты работать?» к вопросу, заданному Дж. Фергюсоном, «куда ведут проекты развития?» [Ferguson 1994] и, далее, «везде ли они работают одинаково?» Это, по нашему

¹ Дальний Восток: не так уж далеко? (2015) // ВЦИОМ. 31 июля 2015 // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dalnij-vostok-ne-tak-uzh-daleko>, дата обращения 30.06.2022.

² Об этом свидетельствует и использование результатов опроса в первом проморолике программы «Дальневосточный гектар»: <https://www.youtube.com/watch?v=ofyP5rggqB0>, дата обращения 30.06.2022.

замыслу, позволит использовать опыт этой программы для расширения понимания природы государства и легитимации политической власти.

В 1970–1980 гг. антропологи обратились к проблематике провала программ экономического развития [Belshaw 1974]. Изучая проекты развития различных групп населения, живущих «вне Запада», они обнаружили, что все попытки улучшить социальные стандарты обычно терпят неудачу [Cooper, Packard 1997]. Это вынудило их усомниться в утопическом видении постколониального будущего, линейном экономическом и социальном прогрессе, нейтралитете (нео)либеральной повестки дня и самой концепции «развития». Вместо «видения развития» антропологи обратились к «деконструкции после развития» и далее – к этнографическому описанию «развития» как категории практики [Roll 2014; Andrews 2015]. Антропологическая критика была основана на предположениях, что технократические и рыночные решения не должны рассматриваться как нейтральные. Напротив, если проанализировать результаты, то становится ясно, что технократические решения служат средством деполитизации и оправдания скрытого вмешательства экономически мощных государств в периферию, в том числе в бывшие колонии (см. [Escobar 1991; Ferguson 1994]). Однако к какому бы варианту ни обращалась критика, так или иначе концепции постразвития связаны с поиском дискурсивного смысла и/или того, в чьих интересах иницируются проекты развития. Но всегда ли политическая машина работает на деполитизацию бедности и доступа к ресурсам? На основании собранных эмпирических данных и проведенного анализа мы утверждаем, что программа «ДВ-гектар» представляет собой ритуализацию управленческих практик и практик коммуникации чиновников с получателями участков и другой аудиторией, то есть ритуализированную машину развития.

Для этого мы опишем логические схемы анализа ритуалов и наши эмпирические данные, затем приведем некоторые подтверждения провала программы, проиллюстрируем формируемый оператором образ программы и разрыв с распространенными практиками «гектарщиков», покажем, почему наши результаты можно интерпретировать как свидетельство ритуализации управленческих практик, и что она может означать.

Логические схемы анализа ритуалов

Ритуалы, политическая власть и легитимация власти – это связанные и взаимно определяемые категории. Антропологи, анализируя ритуалы, как правило, решают классическую социологическую задачу, то есть пытаются понять, в чем состоит истинное значение самого ритуала. При этом существует множество подходов к анализу ритуалов как с точки зрения их функционального значения, так и с точки зрения символического смысла.

Мы выделили две логические схемы анализа ритуалов. Первая (обозначим ее условно как конвенциональную), которую часто использовали антропологи, предполагает, что между смыслом (религиозным) и производимыми ритуальными действиями существуют различия. В этом случае ритуалы могут быть описаны как рутинизированные, формальные или даже не имеющие логического смысла для их участников действия. Для того чтобы понять значение ритуалов, мы должны

думать о них как о функциях, которые они выполняют, специальных действиях, которыми инструментируются формализованные социальные порядки и структуры. Очевидно, что такая логика в антропологических исследованиях сформирована дюркгеймианским подходом к значению религии и ритуала как форме социального контроля. Ритуал призван привязать индивида к богу, который, в свою очередь, суть репрезентация общества, следовательно, функция ритуалов состоит в том, чтобы привязать индивида к обществу [Durkheim 1965, p. 226]. Безусловно, в таком прочтении ритуала индивиды не обязательно должны одинаково понимать его значение, но при этом ритуал будет хорошо выполнять свою функцию: так, верующие далеко не всегда понимали латинский язык, который оставался официальным языком формальных служб в католической церкви до 1964 г., что не мешало им принимать в них участие и оставаться привязанными членами социума.

Конечно, конвенциональная логическая схема имеет множество вариаций: например, действия ритуалов отличаются от повседневных действий как с точки зрения значений, так и с точки зрения формализации. Чтобы выявить скрытый смысл, необходимо сфокусироваться на символах, которые, в свою очередь, являются моделью для общества и моделью общества и культуры. Данная логика предложена и развита К. Гирцем и его последователями, которые предлагают рассматривать религию (и шире – культуру) через символическую репрезентацию [Geertz 1973, p. 150]. Обращаясь к символическому значению, К. Гирц заявляет, что использование символов власти в ритуалах не обязательно связано со значением власти в культуре и обществе [Geertz 1973, p. 137].

Антропологи неоднократно предпринимали попытки объединения разных подходов (функционалистского, марксистского, символического и др.) для получения более многостороннего объяснения взаимной связи ритуалов и власти (пример подобного рода представлен в работе [Bloch 1986]). Конечно, антропологические исследования власти «после Фуко» [Foucault 1991] изменили традиционное предположение, что власть должна быть локализована у определенного агента власти (короля, президента или вождя племени). Интересно, что включение предположения о неуловимой и неопределенной власти в исследование ее взаимосвязи с ритуалами не отвратило антропологов от попыток выявить настоящее значение ритуала (например [Taylor 1989]). Однако в любом прочтении, вне зависимости от используемого теоретического подхода, ритуалы власти проявляются в конвенциональной логической схеме в виде действий, имеющих собственное значение, которое наблюдается в коммуникациях (между подчиненными, с агентами власти, в рамках сопротивления дисциплинарным практикам и т.п.). Эти действия так или иначе можно выявить и интерпретировать; а роль интерпретатора отводится наблюдателю, который может «согласиться» интерпретировать интерпретации участников (см. более подробно в обзоре [Рыжова 2014]).

Альтернативная логическая схема предложена К. Хамфри и Дж. Лэйдлоу [Humphrey, Laidlaw 1994]. Если мы «позволим» людям думать или не думать о значении ритуала и откажемся от предположения о его коммуникативной функции, тогда ритуал как действие «не будет противопоставляться действию, предполагающему осмысление» [Humphrey, Laidlaw 1994, p. 4], а мы как наблюдатели сможем понять что-то новое в отсутствии коммуникаций [Humphrey, Laidlaw 1994, p. 75]. Но что означает «не противопоставляться осмыслению»? Очевидно, что ритуал был где-то и когда-то произведен, а впоследствии получен его

исполнителем, и поэтому последний делает то, что он должен делать. Очевидно, что как исполнитель, имеющий собственную волю и разум, он имеет «агентскую осведомленность о его или ее действиях» [Humphrey, Laidlaw 1994, p. 5]. С этой точки зрения он одновременно является и не является автором выполняемых действий. Люди стараются «нейтрализовать, преодолеть отсутствие смысла ритуальных действий, присваивая ритуалу смыслы, которые они слышали, читали или придумали сами» [Humphrey, Laidlaw 1994, p. 6]. Но это, конечно, означает, что и для людей, и для антропологов все попытки найти один, фундаментальный, смысл ритуала бесполезны, поскольку он просто не существует. Исходя из такой предпосылки, К. Хамфри и Дж. Лэйдлоу предлагают сфокусироваться на ритуализации как процессе, в рамках которого действия становятся ритуалами, и, в отличие от других авторов, кто также полагал, что ритуализация важнее ритуала (например [Bell 1992; Bloch 1986]), они доказывают, что ритуализация основана на модификации нормальной преднамеренности (интенциональности) человеческого действия [Humphrey, Laidlaw 1994, p. 71]. Иными словами, в отличие от любого другого подхода считается, что намерения и замыслы людей не определяют их действия при проведении ритуала. Помимо этого, альтернативная схема включает качества обусловленности (ритуалы предопределены, поскольку они заранее подготовлены для участников); архетипичности (действия строятся на истории и собственном характере, имитируемых участниками); понятности (участники видят ритуалы как внешние акты, которые могут быть адаптированы под текущие намерения, установки и верования участников). Таким образом, интенциональность участников ритуала не имеет определяющего значения, поскольку в процессе ритуализации первоначальный замысел (если таковой вообще был) бесконечно адаптируется, становится множественным, а иногда и вовсе не проявляется как понятный интерпретатору. В нашем исследовании мы обращаемся именно к этой схеме анализа, поскольку наши попытки интерпретаций в рамках конвенциональной схемы к успеху не привели: найти понятный/разделяемый участниками дискурсивный смысл в продвижении программы нам так и не удалось.

Методы и данные

Текст основан на результатах серии полевых исследований, проведенных авторами начиная с 2016 г. в южных регионах Дальнего Востока: Амурской области, Приморском и Хабаровском краях. К настоящему моменту мы собрали 25 лейтмотивных интервью с участниками (заявителями) программы (12) и представителями власти, осуществляющими оперативное управление программой (13). Большая часть интервью с «гектарщиками» собрана в 2020 г. в экспедиции в Амурскую область в населенных пунктах, которые были отмечены на карте оператора программы как «места концентрации»: с. Марково, Ивановка, Новопетровка, Новобурейск. В числе экспертов исследования – представители Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке и Арктике (далее – АРЧК, в настоящий момент ликвидировано, полномочия по реализации программы перешли в Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики), региональных (Хабаровский край и Амурская область) и муниципальных (три региона) властей. Для анализа интервью мы применили инструменты программы

QDAminer 4; книга кодов состояла из разделов «процедуры» (заявка и процесс (не)получения участка, подача декларации), «освоение», «барьеры» (для экспертов, реализующих программу), «продвижение», «мнения и мотивы» (два подраздела для участников и экспертов). Мы также использовали официальные публикации в СМИ, расшифровки обсуждений программы (в частности стратегической сессии на ВЭФ-2019 во Владивостоке³), материалы сайта ФИС «На Дальний Восток», АРЧК. Основным методом анализа материалов – этнографический анализ текста, предполагающий внимание к структуре текста, месту его публикации, его предназначению, основному мотиву, практикам и сопутствующим коммуникации [Титчер и др. 2009].

Мы осуществили серию этнографических экспедиций в указанных регионах с целью наблюдения за практиками освоения полученных земель (в 2020 и 2021 гг.); одновременно собирали фотобанк и дневниковые записи. В Приморском крае мы провели экспедицию в самом востребованном в программе муниципальном районе (Хасанский), где помимо традиционной этнографии проверили сверку карты участков и степени их фактического освоения, используя специальные чек-листы и аэросъемку. Кроме того, мы располагаем базой данных обо всех заявлениях и их статусах на участие в программе «ДВ-гектар» с начала реализации до конца мая 2020 г. (всего 157 тыс. по 11 регионам Дальневосточного федерального округа (ДВФО) в разрезе по муниципалитетам)⁴.

Характеристика провала

Что же такое программа «ДВ-гектар»? Согласно пояснительной записке от 14 ноября 2015 г., целями законопроекта о «ДВ-гектаре» являлись «решение вопросов привлечения граждан на постоянное место жительства на территорию Дальневосточного федерального округа, снижение оттока местного населения, а также ускорение социально-экономического развития субъектов». В заключении Общественной палаты от 1 декабря того же года к декларируемым целям добавили «стимулирование предпринимательской активности граждан <...> за счет вовлечения в хозяйственный оборот свободных земельных ресурсов». В заключении Комитета Государственной Думы по земельным отношениям и строительству указано, что законопроект направлен «на создание благоприятных условий для ведения жителями Дальневосточного федерального округа различных видов хозяйственной деятельности, что должно оказать благоприятное влияние на экономическое состояние соответствующих регионов, способствовать притоку населения, обеспечить положительное изменение демографической ситуации». И, наконец, Комитет Государственной Думы по экономической политике посчитал целью инициативы «ускорение социально-экономического развития Дальнего Востока путем привлечения трудовых ресурсов, расширение освоения территорий и природных

³ Видеозапись размещена на сайте ВЭФ-2019: <https://forumvostok.ru/archive/2019/programme/>, дата обращения 30.06.2022.

⁴ Данные получены от автономной некоммерческой организации «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке» в рамках Дополнительного соглашения № 3 от 19 мая 2020 г. к Соглашению о стратегическом партнерстве с ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет».

богатств»⁵. Можно проследить как минимум три логики, указывающих на соответствующие ожидания от реализации программы: (1) решение демографических проблем региона (сокращение оттока населения, стимулирование въездной миграции); (2) ускорение развития региона за счет привлечения трудовых ресурсов и стимулирования предпринимательской активности; (3) повышение эффективности использования ресурсов (вовлечение жителей в хозяйственную деятельность, использование свободной земли и природных ресурсов). Как видно, декларируемые цели вовсе не ограничены решением демографических проблем, но напрямую также связаны с вопросами экономического роста (политика развития, основанная на принципах свободного рынка).

За время реализации программы закон 11 раз подвергался редакции. Изменения прежде всего касались порядка получения участков в тех случаях, когда земли не могли быть переданы согласно действующему законодательству. Кроме того, были уточнены условия отказа в передаче в безвозмездное пользование: так, с декабря 2018 г. законом установлено, что в случае, если на участке будет построен жилой дом, он может быть передан за плату. Также право на получение гектара получили участники программы по переселению соотечественников. Основные изменения 2020 г. касались введения льгот по программе «Дальневосточная ипотека» для тех, кто получил гектар, а также возможности получения дополнительных гектаров (не вошли в список изменений 2020 г.). Одна из редакций документа была подготовлена после визита председателя правительства страны на Дальний Восток в августе 2020 г. В ней была предусмотрена возможность выкупа участка и использования его в качестве залога в случае строительства объекта ИЖС, если потенциальный собственник подает заявление ранее чем за 6 месяцев до дня окончания срока действия договора безвозмездного пользования земельным участком (введено для упрощения участия в программе льготной ипотеки). В августе 2021 г. для участников программы появилась возможность взять дополнительный гектар, а сама программа была распространена на арктическую зону России. Принятая программа вступила в противоречие со многими правилами регистрации земли, ее выдачи, допустимыми нормами использования; она сделала очевидной недостоверность сведений о землях (изменения 2016–2017 гг.; изменения 2018 и 2020 гг. касались в основном продвижения проекта и правил декларирования; в 2022 г. внесли новые регионы⁶).

В качестве индикаторов программы правительством были установлены два параметра: количество предоставленных земельных участков и количество деклараций об использовании⁷, – последние должны отражать долю освоенных

⁵ Досье на проект Федерального закона N 930602-6 «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: <https://cloud.garant.ru/#/document/71250734/paragraph/12:4>, дата обращения 30.06.2022.

⁶ См. редакции Закона РФ от 01.05.2016 N 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/, дата обращения 30.06.2022.

⁷ Определены в госпрограмме «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» (https://minvr.gov.ru/upload/iblock/86f/gosudarstvennaya-programma-dfo_v-red.-ot-10.11.2020_-_1801_.pdf) и отражены в периодических отчетах о программе (<https://minvr.gov.ru/activity/gosprogrammy/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitiie-dalnego-vostoka/>).

земель. Согласно госпрограмме развития ДВФО, к 2025 г. первый показатель должен достигнуть 99,93 тыс. участков, второй – 24,63 тыс. деклараций. К настоящему моменту, согласно сайту «НаДальнийВосток.ру»⁸, более 100 тыс. граждан уже получили земельные участки⁹, и такие результаты, конечно, свидетельствуют об успехе. Ситуация перестает быть столь благой, если анализировать внутреннюю отчетность проводника программы – АРЧК: так, первичные данные о заявках граждан по Амурской области показывают, что подавляющее количество заявок было подано в 2017 г. Тогда эксперты заявляли, что потенциал программы почти исчерпан, и число заявок уменьшается, несмотря на принимаемые дополнительные меры. Помимо этого, большую часть заявителей составляли жители этого же региона (83,3% заявок), то есть именно в Амурскую область, видимо, вообще никто не приехал. В *таблице 1* представлены структура поданных заявок и статистика отказов по регионам ДВФО с 31 мая 2016 г. до 27 мая 2020 г.; из анализа исключены заявки на рассмотрении.

Таблица 1. Структура поданных заявок на получение участков по программе «ДВ-гектар» и отказов по субъектам ДВФО, май 2016 г. – май 2020 г.

Регион	Одобрено	% одобренных	Отказ	% отказов	Общий итог
Амурская область	7119	62	4159	36	11278
Еврейская АО	2090	58	1506	42	3596
Забайкальский край	4078	51	3686	46	7764
Камчатский край	2106	44	2625	55	4731
Магаданская область	1656	71	654	28	2310
Приморский край	18928	34	37136	66	56064
Республика Бурятия	1668	39	2399	56	4067
Республика Саха (Якутия)	10755	46	12498	53	23253
Сахалинская область	9866	45	11623	53	21489
Хабаровский край	10495	52	9490	47	19985
Чукотский АО	630	82	138	18	771
Общий итог	69391	44	85914	55	155308

Ожидаемо, что самой востребованной по программе «ДВ-гектар» оказалась земля, расположенная в Приморском крае – 56064 заявки, или 36% от всех поданных. При этом по доле отказов Приморский край также лидирует, а в самом востребованном Хасанском районе (37,2% заявок в крае за весь период) одобрено всего 22% заявок. В 2020 г. мы обследовали 155 участков в этом районе, фикс-

⁸ Официальный электронный ресурс программы «Дальневосточный гектар», где размещена федеральная информационная система для подачи заявок и деклараций: <https://надальнийвосток.рф/>, дата обращения 30.06.2022.

⁹ Эта цифра не обязательно соответствует числу заявок, потому как может включать и коллективные.

сируя заброшенность, соответствие фактическому типу использования, наличие построек, близость к инфраструктурным объектам и некоторые другие показатели. Оказалось, что 99 участков (более 72%) заброшены, то есть визуально никаких признаков постоянного проживания или деятельности на них не зафиксировано. Поэтому можно констатировать, что даже в самом востребованном районе в рамках программы «ДВ-гектар» ранее не использовавшаяся (заброшенная) земля фактически не осваивается. Менее всего отказов приходится на Чукотский АО и Магаданскую область, что также характеризует спрос на программу и, в некотором смысле, спрос на землю в регионах. В самой программе отсутствует базовая предпосылка экономического роста: на многие участки почти никто не претендует, кроме заявителя, по крайней мере, земля часто была не востребована и до запуска программы (см. подробнее: [Журавская, Феоктистова 2019]). Таким образом, хотя формальные индикаторы говорят об успешности реализации программы «ДВ-гектар», мы настаиваем на том, что более корректно характеризовать результаты термином «провал» как с точки зрения привлечения/удержания населения (большинство участников – дальневосточники), так и с точки зрения использования, введения новых, ранее не использованных участков земли в хозяйственный оборот.

«Пустой» Дальний Восток и «отсталые» дальневосточники

Инициирование программы началось с опроса россиян, о котором мы упоминали ранее, что само по себе уже стало частью многих бюрократических ритуалов. Подобного рода практика представляет собой обоснование политического решения (изменение правил, принятие мер и пр.) через символическое обращение к потребностям «обычных людей» и включает в себя апелляцию к авторитетному источнику. Это должно как повысить доверие к инициатору решения, так и некоторым образом снять содержательные вопросы к предпринимаемым в дальнейшем действиям. Сама суть программы – «дар» государства народу, бесплатная раздача «достояния» – также несет в себе отпечаток ритуальности. Так кому же адресовано сообщение? Что предлагается взамен за «подвиг» участников? С этой точки зрения образ «объектов» воздействия важен для понимания как проектов развития (как правило, «отсталость» и «бедность» периферии служат для обоснования необходимости развития), так и ритуалов, согласно схеме К. Хамфри и Дж. Лэйдлоу («обусловленность» означает, что ритуалы заранее «подготовлены» для участников).

Основным информационным ресурсом, формирующим образ программы «ДВ-гектар», является упомянутый нами электронный сервис ФИС «НаДальнийВосток.ру», через который взаимодействуют получатели гектаров и государство – от заявки до дальнейшей подачи декларации по истечении пятилетнего периода. Именно здесь публикуют все новости программы, интервью чиновников, предлагают ссылки на сервисы в помощь «гектарщикам»¹⁰. Поскольку контент этого сервиса формируется федеральным оператором (до 2021 г. – АРЧК),

¹⁰ Индекс качества сайта (ИКС) на 29.09.2021 равнялся 1870. Топовое, по данным «Медиалогии», интернет-издание Дальнего Востока Vostokmedia.com имеет ИКС на ту же дату 2240.

то мы начали анализ дискурсивного оформления программы именно с него. Мы обратили внимание на три важные идеи, вокруг которых формируется содержание. Так, в отличие от бедных африканских стран, служащих объектами воздействия для либеральных проектов развития, регионы ДВФО описываются как богатые ресурсами земли:

«На территории области обитают 64 вида млекопитающих, более 320 видов птиц, 9 видов пресмыкающихся, 6 видов земноводных; в реках и озерах – свыше 70 видов рыб».

«Во флоре высших растений 230 видов относятся к кормовым растениям сельскохозяйственных животных. Лекарственные растения: 88 видов трав, 26 кустарников и кустарничков, 7 деревьев».

«Область расположена в зонах тундры, лесотундры и северной тайги, таежные леса – редкостойные. Общая площадь земель лесного фонда – 45728,1 тыс. га, лесистость – 38,4%, общий запас древесины на корню – 486,4 млн куб. м»¹¹.

Перейти к описанию регионов можно по интерактивной карте, кликнув на которую, вы попадаете на соответствующую страницу с четырьмя неизменными разделами: ресурсы, природа, климат, животный мир. Границы, конечно, ожидаемо весьма условны: животные присутствуют и в разделах «Природа», и «Животный мир», и «Ресурсы», а «Климат» тесно переплетается с данными о природе. Однако, как оказалось, многие анонсированные данные не являются уникальными, а представляют собой дословную перепечатку части текста из источников типа «Википедия» или разного рода программных документов: например, в описании животного мира Чукотки часть текста взята из «Википедии», где, кстати, также не указан источник, а описание сырьевой базы Бурятии повторяется в программе развития электроэнергетики республики на 2018–2020 гг.¹², на инвестиционном портале республики и еще в десятке подобных документов/сайтов¹³. В этом смысле разработчики контента сервиса ведут себя как агрегатор, повторяя устоявшиеся клише о потенциале развития Дальнего Востока. Контент сайта, тем не менее, не повторяет общепринятые штампы о неразвитости восточной периферии или о возможных угрозах демографической безопасности, переводя вопрос о причинах отсталости в плоскость упущенных возможностей. Схожую тенденцию можно заметить и в стратегических документах, где необходимость реализации ускоренного развития¹⁴ связана с изменениями во внешней по отношению к региону среде и с появившимися новыми возможностями.

¹¹ Цитаты со страницы «О регионах» (сайт «НаДальнийВосток.ру»): <https://xn--80aagvggieo2bo71.xn--p1ai/default/maininfo>, дата обращения 30.06.2022.

¹² «Об утверждении схемы и программы развития электроэнергетики Республики Бурятия на 2018–2022 год»: <https://docs.cntd.ru/document/543736537/titles/3C006E4>, дата обращения 30.06.2022.

¹³ Инвестиционный портал Республики Бурятия: <https://invest-buryatia.ru/index/o-respublike-buryatiya/poleznyie-iskopaemye.html>, дата обращения 30.06.2022.

¹⁴ См., например, текст документа «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»: http://assoc.khv.gov.ru/files/docs/strategy/1_strategy-2025.doc, дата обращения 30.06.2022.

Но более интересным является выбор соответствующих разделов для описания. Остается загадкой, где же описание инфраструктуры и уровня жизни, история освоения; почему российский Дальний Восток предстает как пустое, свободное от людей и производств пространство? Мы полагаем, ответить на эти вопросы можно, если обратиться к первой странице сервиса, где, помимо проморолика, новостей и советов, представлены отсылки к двум важным страницам – «Истории успеха»¹⁵ и «Бизнес-план для вашего участка»¹⁶. В первом разделе размещено 58 сюжетов об освоении полученных участков, все они классифицированы по видам деятельности – от строительства до социальных услуг. Самый многочисленный раздел – «Туризм и досуг», где размещены 19 сюжетов. Раздел «Истории успеха» по стилю и модальности соответствуют проморолику на первой странице и продвигают одну простую мысль – «жить и работать на своей земле». При этом в общей массе всего шесть сюжетов в разделе о жилищном строительстве, четыре из которых все равно связаны с «работой на своей земле». Отсюда же можно узнать о мотивации участников историй, где часто видна отсылка к мечте, а сами сюжеты напоминают архетипичные легенды о героях, мифы о создании космоса из хаоса.

«Всегда была мечта – построить дом на земле, в диком месте, где тебя окружают не соседские заборы, а красивый лес, красивая природа.

«С программой «Дальневосточный гектар» появилась возможность взять заброшенный колхоз, что Юрий и сделал. Сегодня сельскохозяйственное предприятие в Кулу становится без преувеличения локомотивом в возрождении населенного пункта».

«А теперь появилась земля, на которой можно воплотить мечту – построить семейную винодельню с собственным виноградником»¹⁷.

Второй раздел – «Бизнес-план для вашего участка» – это типовые бизнес-планы по освоению участков: в настоящее время можно увидеть 37 идей стоимостью от 380 тыс. до 33 млн руб. и более. Структурирование этого раздела дублирует «Истории успеха». Также можно настроить фильтры по объему инвестиций и сроку окупаемости. Кстати, по объему инвестиций наполненным является только раздел с проектами с объемами от 500 тыс. руб., в то время как в разделе от 100 до 500 тыс. всего один проект, а раздел с инвестициями до 100 тыс. и вовсе не наполнен. Исходя из этого, образ целевой аудитории проекта становится вполне очевидным.

«[“Вы можете нарисовать портрет «гектарщика»? Кто этот человек, который берет гектар?” – прим. авторов] *И об этих примерах можно говорить очень долго. Есть стартаповцы, есть люди с уже устоявшейся жизненной позицией и родом деятельности, то есть предприниматели, которые используют проект для расширения*

¹⁵ Страница «Истории успеха» (сайт «НаДальнийВосток.ру»): <https://xn--80aagvgieoeoa2bo7l.xn--p1ai/best-practice/section?id=-1>, дата обращения 30.06.2022.

¹⁶ Страница «Бизнес-план для вашего участка» (сайт «НаДальнийВосток.ру»): <https://xn--80aagvgieoeoa2bo7l.xn--p1ai/business-plan>, дата обращения 30.06.2022.

¹⁷ Цитаты со страницы «Истории успеха» (сайт «НаДальнийВосток.ру»): <https://xn--80aagvgieoeoa2bo7l.xn--p1ai/best-practice/section?id=-1>, дата обращения 30.06.2022.

своих возможностей. Есть те, которые кардинально сменили вообще образ жизни. Знаю одного банковского работника, который тоже начал заниматься сельским хозяйством. Поэтому здесь вычленишь какой-то отдельный проект для кого-то невозможно. Для тех, кто хочет, может и знает, как использовать землю в качестве ресурса, наверное, вот так» (эксперт, Хабаровск, 2020).

Однако реальные практики по освоению гектара, о которых речь пойдет ниже, далеки от желаемого образа. «ДВ-гектар» представляется патерналистским проектом обучения дальневосточников правильным рыночным ценностям, где основным приемом является пересказ историй «успешных гектарщиков» (героические истории и легенды как архетипы). Эти истории преподносятся двояко: и как героические усилия, и как преодоление страхов (пример здоровой социальной энергии). Не менее показательными в этом смысле становятся и высказывания участников одной из стратегических сессий на «Восточном экономическом форуме – 2019» с не менее ярким названием «Дальневосточный гектар: от чистого поля к пространству экономической свободы):

«Дело в том, что в основном сейчас это попытка привить на дальневосточном гектаре те виды деятельности, которые распространены в том числе и в европейской части». «Можете ли вы как-то помочь тем людям, которые производят в достаточно маленьком все-таки формате свою продукцию? И вообще, вот насколько подобные фермеры, которые, ну, такие пионеры, можно сказать, да, очень храбрые, интересны крупным компаниям, которым нужны весьма все-таки большие объемы?» «Опыт мировой показывает, что вот такие территории, где есть бескрайние просторы неосвоенные, они есть на всех континентах. И есть опыт превращения такого конкурентного преимущества в живые деньги. Возьмите ЮАР, возьмите целый ряд африканских стран, возьмите там целый ряд таких штатов, как Техас, например». «Вот, на мой взгляд, дальневосточный гектар – это платформа. А то, что мы сегодня слышали, – да, то, что мы видим: Михаил был менеджером, стал фермером, да»¹⁸.

В целом же, если вернуться к анализу контента сервиса «НаДальнийВосток.ру», то термины «собственность на землю», «бизнес» и «предпринимательство», характерные для либерального дискурса, соседствуют с терминами из другого, патерналистского дискурса: «право на бесплатное получение земельных участков», «получение земельного участка в безвозмездное пользование», «социальная инициатива Правительства РФ», «меры господдержки в освоении новых земель», «социальные льготы». Иначе говоря, из материалов сайта, текста самого закона, документов, его сопровождающих, и заявлений представителей структур, его поддерживающих, следует, что государство ожидает некоего сподвижничества, инициативного движения граждан на восток для освоения и ускоренного развития периферий, а в обмен за сподвижничество предлагается земля, что дискурсивно оформляется как социальная забота государства о своих гражданах [Рыжова и др. 2017].

¹⁸ Запись трансляции можно посмотреть по ссылке: <https://forumvostok.ru/programme/business-programme/?search#60553>, дата обращения 20.07.2022.

Отметим некоторое изменение, произошедшие за время нашего исследования, в распределении акцентов в продвижении и описании программы, целью которого, на наш взгляд, стала попытка снизить скепсис в отношении идеи проекта. Демографическая повестка спустя два года с начала реализации программы постепенно ушла в тень, уступив место идее «жить и работать на своей земле». Вернее, идея о массовом переселении и сподвижничестве стала трансформироваться в идею о благоприятной для жизни обстановке в регионе (хотя и в контексте потенциала для развития и изобилия ресурсов), а в интервью и новостях все чаще звучала повестка о том, как программа «стабилизирует» и «закрепляет» проживающее здесь население.

Практики (не)освоения гектаров

Обратимся к реальным практикам (не)освоения земли участниками. Мы выявили две наиболее распространенные стратегии (по мнению наших информантов и результатам экспедиций, встречающиеся чаще, чем предпринимательские), описание которых вряд ли попадет на сайт основного оператора. Во-первых, это получение гектара «на всякий случай»: заявители часто получают участок и откладывают инвестиции «до лучших времен». Ожидания участников связаны с заявлениями о мерах поддержки со стороны государства: в случае, если будет некоторое скопление участков, государственные агенты помогут с инфраструктурой. Условия же такой поддержки явно не обозначены, однако одной из ключевых фраз программы «каждый имеет право» привлекает к участию тех, кто считает неучастие добровольным отказом от их «законной» земли:

«Я взял, у меня пчелы. Кто знает, что там дальше будет? Все приватизируют, раздадут. <...> Хотя кому раздадут? Масса сообщений, что люди собираются строить дом на своих гектарах. Вот я очень слабо понимаю, о чем вообще говорят. <...> Дом надо строить где-то в полуброшенной деревне или там, где нет электричества, дороги, школы. А зачем такой дом?! Или сколько он должен стоить, если к нему вести электричество, платить за все согласования» (участник программы «ДВ-гектар», пчеловод, Амурская область, 2018).

Еще одной стратегией является оформление ранее «захваченных» земель: в этом случае заявители стремятся узаконить земли, на которые по разным причинам не были своевременно оформлены документы (как правило, участки с жилыми домами и дачами). Это, на наш взгляд, объясняет неожиданный общественный протест в Якутии на этапе обсуждения программы.

«Активисты вышли на площадь с плакатами “Сохраним землю для будущих поколений”», “Нет рейдерскому захвату земельных участков”, “Ваучеры, бесплатный гектар, а что дальше, господа олигархи?” Организаторы акции опасаются, что в результате

раздачи участков без земель могут остаться жители сельских населенных пунктов, де-факто имеющие в своем распоряжении сельхозугодья, которые не были вовремя оформлены в Росреестре. Кроме того, законодатели планируют, что выбрать и оформить участки желающие смогут с помощью Интернета. С точки зрения организаторов пикета, это означает, что жители северных улусов Якутии, где Интернет в лучшем случае медленный, окажутся в неравных условиях с жителями центральных регионов страны при подаче заявки через электронный сервис»¹⁹.

Безусловно, описанные стратегии поведения не являются исчерпывающими, они лишь демонстрируют возникающие противоречия в реализации программы. Становится очевидным разрыв не только с образом региона, но и с практиками освоения земельных участков: так, более 40% заявок – это индивидуальное жилое строительство, а если добавить категории «личное подсобное хозяйство» (как удобный вид разрешенного использования для строительства дома) и «огородничество», то доля предпринимательских практик окажется совсем небольшой (эксперты не смогли оценить этот показатель в целом, потому что существующая система учета не дифференцирует участки с несколькими типами использования). Нельзя предполагать, что обычные люди объясняют возможность получения прав собственности в рамках программы «ДВ-гектар» как освоение территории Дальнего Востока или тем более как заботу государства. Для них это, скорее, возможность захватить то, на что они «имеют право». При этом открытые земельные споры, спровоцированные программой, по нашим данным, были немногочисленны: по большому счету, они приобрели скрытый характер, и косвенным подтверждением тому служит показатель отказов. Немалую роль в этом сыграл контроль над порядком выдачи участков: дать прямой отказ в выдаче участка без предоставления альтернативного варианта муниципалитет или земельный комитет не имели права, и за неисполнение этого требования предусмотрены штрафы. Кроме того, муниципалитеты не могли быть прямыми участниками спора по понятным причинам: именно через них шел процесс распределения земли, а потому открытый спор воспринимался как саботаж.

Уменьшение количества отказов стало одним из внутренних целевых показателей в контроле над реализацией проекта. Явными же обсуждаемыми эффектами явились «наведение порядка» и «создание упрощенного механизма выдачи земли», постепенно вышедшие на передний план. Дискурсивно проект дополнился идеей о «модельном управленческом проекте».

«Но в целом, если смотреть на картину. <...> На данный момент, вот по прошествии четырех лет, это уже практически конфетка, когда отшлифован ФЗ, когда отшлифован закон, люди с удовольствием этим пользуются. То есть предоставление земельного участка в ДВО – это 32 дня. Плохо?!» (эксперт, Хабаровский край, 2020).

Стратегическая сессия, посвященная программе «ДВ-гектар» на ВЭФ-2019, также была богата высказываниями, оправдывающими усилия оператора:

¹⁹ Филиппова Т., Тяжлов И. (2015) В Якутии может не хватить земли // Коммерсант. 17 декабря 2015 // <https://www.kommersant.ru/doc/2878968>, дата обращения 30.06.2022.

«Поэтому понятно, наверное, что какие-то результаты еще подводить рано. Но тем не менее как сам механизм и там опять же какие-то нюансы, которые вы поняли, исходя из того пилотного проекта, который у вас в крае был реализован.

«Действительно мы каждые полгода, каждую сессию так или иначе вносим коррективы в законодательство дальневосточного гектара. И надо сказать, что механизм, схема сама изменения законодательства, она, в общем-то, проста»²⁰.

В результате фокус внимания от обсуждения первой артикулированной цели (решение демографических проблем) сместился к обсуждению побочного результата (создание и настройка механизма получения земли). Важно, что проект открыто не обсуждался как механизм, вероятно, значительных инвестиций государства в строительство инфраструктуры и изменения законодательства, работы ведомств, продвижение, развитие самого сервиса и прочее (никто не оценивал эффективность, лишь потенциал в решении демографических задач региона). На этом этапе проект проговаривался как социальный и итерационный эксперимент, а его значимость – как потенциал распространения на другие территории. Тем самым произошло утверждение модели, образца, итераций («попробовать»), а определение проекта как «эксперимента» изменило статус и возможную оценку действий.

В попытках бюрократов сместить акценты в обсуждении проекта можно искать явные и скрытые политические смыслы. Однако чем больше попыток построить коммуникативное оформление программы в более или менее логичную схему мы принимали, тем противоречивее представлялись мотивация разработчиков и операторов и цели проекта. С точки зрения анализа ритуальности коммуникации, важно, что объединяющим компонентом для двух этапов обсуждения (как проекта по решению проблемы демографической безопасности и как модельного управленческого проекта) является апелляция к общим смыслам: не повседневным, а к более высоким целям – героического «развития» вопреки всему, символического «взросления», «возвращения величия» (неслучайна параллель с проектом Столыпина), «сплочения» («интеграция», идея «мы – нация»). Интересна в этом смысле структура упомянутой стратегической сессии: она демонстрирует модель «гласа народа» и «близости власти», практикуемая все чаще на разных бюрократических уровнях – от президента до ректора университета. Несмотря на кажущуюся спонтанность сценария таких встреч («задавайте ваши вопросы»), регулируемых лишь нормами делового этикета (нарушения одного также вписаны в сценарий), все чаще угадывается предсказуемость в их проведении: отчет о достижениях – вопросы – оправдания – фиксация – благодарности и т.д. Функционально это похоже на классический договор о намерениях, символически же близко к «ритуалу очищения» руководителя и ответственного чиновника.

Таким образом, мы видим все элементы логической схемы, предложенной К. Хамфри и Дж. Лэйдлоу. Ритуальность в коммуникации власти, предметно сконцентрированной вокруг программы «ДВ-гектар», включает «обусловленность» (используемые «мантры» и формулы, безусловно, подготовлены, хотя и меняют свою форму на разных площадках – от формальных документов до неформальных интервью), «архетипичность» (как минимум это легенды о героях и создании космоса из хаоса) и «понятность» (программа адаптируется как технически через бесконечные редакции закона, так и дискурсивно под решение разных задач).

²⁰ <https://forumvostok.ru/archive/2019/programme/>, дата обращения 30.06.2022.

Иными словами, машина развития ритуализируется, легитимируя текущие и дальнейшие действия и проговариваемые намерения бюрократов, их присутствие в управлении периферийным регионом страны.

Заключение

Несмотря на многочисленные проекты и программы развития российского Дальнего Востока, реализованные в XX в., регион продолжает восприниматься центральным правительством и экономистами как слаборазвитый и даже депрессивный. Обсуждая его как проблемное пространство, эксперты, как правило, отмечают недостаток людей и производств при изобилии земли, разнообразии природных ресурсов и выгодном географическом положении. Программа «ДВ-гектар» была инициирована в той же логике как проект, который будет способствовать массовому переселению на восток, решая проблемы демографической безопасности и недостатка трудовых ресурсов. Спустя пять лет центральной темой в обсуждении программы стал ее побочный результат – создание упрощенного механизма выдачи земли.

В отличие от случая Лесото, описанного Дж. Фергюсоном, проект изначально был политизирован, а потому для его продвижения потребовалось переопределить проблемность Дальнего Востока с неразвитости на неиспользуемый потенциал, приправив либеральными ценностями свободного предпринимательства. Однако необжитые просторы все равно не кажутся привлекательными для жителей других регионов: отсутствие инфраструктуры представляет возможное освоение не просто дорогостоящей, а вовсе неподъемной задачей. При этом ответ на этот вызов со стороны разработчиков сводится к знакомому патерналистскому дискурсу – обещание помощи со стороны государства в освоении земель (строительство дорог в местах концентрации заявок, предоставление грантов и прочая поддержка).

Старт программы обнажил новые противоречия: как оказалось, при всех неосвоенных просторах региона «ничейной» земли нет. Множество отказов, земельные споры, неясности в системах учета – все это потребовало вмешательства в земельное и градостроительное законодательства. Постепенно были внесены и другие правки: гектар разрешили брать участникам программы переселения соотечественников, добавили возможность взять льготную дальневосточную ипотеку, проект расширили до арктических регионов, разрешили второй гектар. Все это тем не менее к массовому переселению не привело, и проблема демографической безопасности, обсуждаемая в начале, осталась нерешенной. Однако «ДВ-гектар» остается флагманским, эталонным проектом в представлениях чиновников, периодически становясь информационным поводом, и в то же время все больше отрываясь от реальных практик освоения земли. В этом мы видим бюрократический ритуал, поддерживающий легитимность дальнейшего вмешательства центральных властей в дела региона. Очевидно, что участники ритуала приписывают происходящему разные смыслы, адаптируют их для своих целей, иногда и вовсе не придают значения содержанию послания. Значение имеет лишь форма повторяющихся взаимодействий, обусловленных и понятных, апеллирующих часто к архетипичным значениям.

Причины расширения политического доминирования вряд ли могут быть исчерпывающе объяснены, хотя антропологи в состоянии внести существенную лепту

в соответствующую дискуссию, поскольку ими разработаны весьма плодотворные и небанальные концепции власти, основанные одновременно на предположении о культурном разнообразии и признании укорененных в этой культуре проблем. Обращаясь к аргументу Дж. Фергюсона о политической ангажированности проектов развития, работающих на деполитизацию несправедливого распределения земли и проблем бедности, и нашему теоретическому вопросу, мы утверждаем, что проекты развития работают по-разному. Так, иногда они становятся бюрократическим ритуалом, необязательно средством расширения вмешательства, а средством легитимации самого присутствия в повестке управления и развития периферией. Программа «ДВ-гектар» с этой точки зрения кажется настолько успешной, что расширение ее влияния почти закономерно: вместо сокращения усилий по поддержанию созданной конструкции мы наблюдаем репликации в других регионах («арктический гектар», льготы по выдаче земель в программах «Мой гектар» в Московской области и «Ленинградский гектар») в качестве модельного, успешного управленческого решения и «эксперимента».

Список источников

- Журавская Т.Н., Феоктистова К.И. (2019) Программа «Дальневосточный гектар»: институциональный подход // *Пространственная экономика*. Т. 15. № 2. С. 92–109. DOI: 10.14530/se.2019.2.092-109
- Рыжова Н.П. (2014) Бюрократические ритуалы «развития» России: возможна ли интерпретация скрытых смыслов? // Димке Д., Титаев К., Шмидт С. (ред.) *Обратная связь: книга для чтения. Сборник статей и эссе к 60-летию Михаила Рожанского*. СПб., Иркутск: Норма, Центр независимых социальных исследований и образования. С. 259–269.
- Рыжова Н.П., Журавская Т.Н., Феоктистова К.И. (2017) «Дальневосточный гектар»: эксперимент по формированию института прав собственности на землю? // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. № 4 (43). С. 40–54. DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/40-54
- Титчер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. (2009) *Методы анализа текста и дискурса*. Харьков: Гуманитарный Центр.
- Andrews M. (2015) Explaining Positive Deviance in Public Sector Reforms in Development // *World Development*, vol. 74, pp. 197–208. DOI: 10.1016/j.worlddev.2015.04.017
- Bell C.M. (1992) *Ritual Theory, Ritual Practice*, Oxford: Oxford University Press.
- Belshaw C.S. (1974) The Contribution of Anthropology to Development // *Current Anthropology*, vol. 15, no 4, pp. 520–526. DOI: 10.1086/201510
- Bloch M. (1986) *From Blessing to Violence: History and Ideology in the Circumcision Ritual of the Merina of Madagascar (Cambridge Studies in Social and Cultural Anthropology)*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Cooper F., Packard R. (1997) Introduction // *International Development and the Social Sciences: Essays on the History and Politics of Knowledge* (eds. Cooper F., Packard R.), Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, pp. 1–41.
- Durkheim E. (1965) *The Elementary Forms of the Religious Life*, New York: Free Press.
- Escobar A. (1991) Anthropology and the Development Encounter: The Making and Marketing of Development Anthropology // *American Ethnologist*, vol. 18, no 4, pp. 658–682. DOI: 10.1525/ae.1991.18.4.02a00020
- Ferguson J. (1994) *The Anti-politics Machine: “Development”, Depoliticisation, and Bureaucratic Power in Lesotho*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Foucault M. (1991) Governmentality // *The Foucault Effect: Studies in Governmentality* (eds. Burchell G., Gordon C., Miller P.), London: Routledge, pp. 87–104.
- Geertz Cl. (1973) *The Interpretation of Cultures*, New York: Basic Books.

- Humphrey C., Laidlaw J. (1994) *The Archetypal Actions of Ritual: A Theory of Ritual Illustrated by the Jain Rite of Worship* (Oxford Studies in Social and Cultural Anthropology), Oxford: Clarendon Press.
- Roll M. (ed.) (2014) *The Politics of Public Sector Performance: Pockets of Excellence in Developing Countries*, London: Routledge.
- Taylor L.J. (1989) Bas InEirinn: Cultural Constructions of Death in Ireland // *Anthropological Quarterly*, vol. 62, no 4, pp. 175–187. DOI: 10.2307/3317614
-

The “Far-Eastern Hectare”: The Ritualization of the Development Policy

T.N. ZHURAVSKAIA*, N.P. RYZHOVA**

***Tatiana N. Zhuravskaia** – PhD in Sociology, Senior Researcher, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russian Federation, wellshy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1147-1169>

****Natalia P. Ryzhova** – DSc in Economics, Professor, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russian Federation, n.p.ryzhova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7911-7364>

Citation: Zhuravskaia T.N., Ryzhova N.P. (2022) The “Far-Eastern Hectare”: The Ritualization of the Development Policy. *Mir Rossii*, vol. 31, no 4, pp. 151–169 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-151-169

Abstract

This article discusses the “Far-Eastern Hectare” program as a ritualized bureaucratic development policy. It addresses why such a project is presented as exemplary and successful. The authors use the analytical approach of ritualized action by Humphrey and Laidlaw, in which the search for the meaning of ritual action is abandoned in favor of focusing on the ritualization process as a mechanism of legitimizing power. Theoretically, the authors extend Ferguson’s argument about the development projects as anti-political machines, arguing that projects do not necessarily lead to the depoliticization of unjust resource allocation and issues of poverty. They show that, although formal indicators indicate the program’s success, it is far more correct to characterize it as a failure. Despite all the efforts, mass resettlement to the East and meaningful investment in the land have not been achieved. The demographic agenda has gradually receded, giving way to the idea of “living and working on your own land”. It is shown that the real practices of land development differ from those actively discussed and promoted by the operators. Analyzing the image of the Far East and Far-Easterners and the gap between the image of the

The authors express their gratitude to the Khamovniki Social Research Support Fund for financing a field study in the Amur Region in 2020 as part of the project “‘The Myth of Potential – the Potential of Myth’: development projects in the Far Eastern Border region”. Also the authors express their gratitude to K.I. Feoktistova for assistance and participation in the organization of the expedition

The article was published as part of the HSE University project “University Partnership”, to support publications by authors of Russian educational and scientific organizations.

The article was received in October 2021.

program and real the practices of the land's (under)development, the authors conclude that the program is turning into a bureaucratic ritual that legitimizes the presence of the central power in the periphery. The empirical data were obtained during field research conducted by the authors from 2016 in the southern regions of the Far East (interview, ethnography). The authors also draw on primary data from applications, open sources, and official documents.

Keywords: development programs, ritualization, post-development, development programs, land development, Far Eastern hectare, Russian Far East

References

- Andrews M. (2015) Explaining Positive Deviance in Public Sector Reforms in Development. *World Development*, vol. 74, pp. 197–208. DOI: 10.1016/j.worlddev.2015.04.017
- Bell C.M. (1992) *Ritual Theory, Ritual Practice*, Oxford: Oxford University Press.
- Belshaw C.S. (1974) The Contribution of Anthropology to Development. *Current Anthropology*, vol. 15, no 4, pp. 520–526. DOI: 10.1086/201510
- Bloch M. (1986) *From Blessing to Violence: History and Ideology in the Circumcision Ritual of the Merina of Madagascar (Cambridge Studies in Social and Cultural Anthropology)*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Cooper F., Packard R. (1997) Introduction. *International Development and the Social Sciences: Essays on the History and Politics of Knowledge* (eds. Cooper F., Packard R.), Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, pp. 1–41.
- Durkheim E. (1965) *The Elementary Forms of the Religious Life*, New York: Free Press.
- Escobar A. (1991) Anthropology and the Development Encounter: The Making and Marketing of Development Anthropology. *American Ethnologist*, vol. 18, no 4, pp. 658–682. DOI: 10.1525/ae.1991.18.4.02a00020
- Ferguson J. (1994) *The Anti-politics Machine: “Development”, Depoliticisation, and Bureaucratic Power in Lesotho*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Foucault M. (1991) Governmentality. *The Foucault Effect: Studies in Governmentality* (eds. Burchell G., Gordon C., Miller P.), London: Routledge, pp. 87–104.
- Geertz Cl. (1973) *The Interpretation of Cultures*, New York: Basic Books.
- Humphrey C., Laidlaw J. (1994) *The Archetypal Actions of Ritual: A Theory of Ritual Illustrated by the Jain Rite of Worship (Oxford Studies in Social and Cultural Anthropology)*, Oxford: Clarendon Press.
- Roll M. (ed.) (2014) *The Politics of Public Sector Performance: Pockets of Excellence in Developing Countries*, London: Routledge.
- Ryzhova N.P. (2014) Bureaucratic Rituals of “Development” Russia: Is Interpretation of Hidden Meanings Possible? *Feedback* (eds. Dimke D., Titaev K., Shmidt S.), Saint Petersburg, Irkutsk: Norma, Centr nezavisimyh social'nyh issledovanij i obrazovaniya, pp. 259–269 (in Russian).
- Ryzhova N.P., Zhuravskaia T.N., Feoktistova K.I. (2017) “Far Eastern Hectare”: Experiment of the Creation of Property Right over Land? *Ojkumena. Regional Researches*, no 4 (43), pp. 40–54 (in Russian). DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/40-54
- Taylor L.J. (1989) Bas InEirinn: Cultural Constructions of Death in Ireland. *Anthropological Quarterly*, vol. 62, no 4, pp. 175–187. DOI: 10.2307/3317614
- Titscher S., Meyer M., Wodak R., Vetter E. (2009) *Methods of Text and Discourse Analysis*, Kharkov: Izd-vo Gumanitarnyj Centr (in Russian).
- Zhuravskaia T.N., Feoktistova K.I. (2019) The Program “Far Eastern Hectare”: Institutional Approach. *Spatial Economics*, vol. 15, no 2, pp. 92–109 (in Russian). DOI: 10.14530/se.2019.2.092-109